

К.А. Соловьев

СЕМАНТИКА ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ М.М. ЩЕРБАТОВА

В статье представлен анализ политических текстов историка и государственного деятеля XVIII в. М.М. Щербатова. Выявлена семантика терминов и понятий, используемых автором для характеристики государства, власти и управления. Показано, что ключевые термины и понятия, используемые Щербатовым в своих работах, остаются неизменными, но меняется их семантика, по мере того, как автор вырабатывает собственную систему взглядов на характер власти и управления в России, на возможности их совершенствования. Заимствовав у мыслителей Просвещения термины «власть», «правление», «законы», «общее благо», Щербатов наполняет их собственным содержанием.

Ключевые слова: история России, история политики, Российское государство, история управления, семантика власти, политическая терминология.

The article analyzes the political texts of Mikhail Shcherbatov — historian and public official of the XVIII century. Identify the semantics of the terms and concepts used by the author to describe the state power and administration. The key terms and concepts used by Shcherbatov remain unchanged. But their semantics, with time, varies, because the author develops his own system of views on the nature of power and government. Shcherbatov takes from the authors of the Enlightenment the terms “power”, “government”, “laws”, the concept of “common good” and fills them with their own content.

Key words: Russian history, political history, the Russian state, history of administration, the semantics of power, political terminology.

Комплекс текстов, в которых излагаются политические и управленческие мысли М.М. Щербатова, в сравнении с текстами других историков XVIII в. (прежде всего В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова), имеет свои специфические особенности. Первая из них: точная политическая направленность этих текстов, без дополнительной смысловой нагрузки (если не брать «Путешествие в землю Офирскую», продолжавшее традицию европейских худо-

Соловьев Константин Анатольевич — доктор исторических наук, профессор факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова; *e-mail:* ksoloviov@spa.msu.ru

жественных «утопий»¹). Щербатов не «вплетал» политические и управленческие идеи в художественный текст, как это делал Ломоносов и не искал для каждого сочинения свой особый жанр, как Татищев, когда писал «Духовную» или «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах».

Вторая особенность — гораздо более полное знакомство с европейской политической мыслью. Эта черта — не заслуга Щербатова, а характеристика его эпохи, во многом подготовленной предшествующим поколением русских мыслителей, к которому как раз и относятся Ломоносов с Татищевым. Особенность третья — практически непрерывная работа мысли Щербатова, занятой политическими и управленческими темами, на протяжении тридцати лет. Политическая мысль Ломоносова работала, как вспышка, при каждом обращении к монарху в торжественной оде. Его воззрения на власть поневоле предстают фрагментарными. Все политические тексты Татищева были созданы в течение очень короткого исторического периода. В них представлен один этап в развитии его представлений о власти и управлении. Щербатов же последовательно и методично (хотя, порой, с долгими перерывами) развивал свои взгляды в каждом новом тексте, писал ли он этот текст для себя (чтобы лучше усвоить чужие идеи и проработать собственные), или предназначал написанное для узкого или широкого круга читателей.

В отечественной исторической литературе изучение «политических статей» М.М. Щербатова всерьез началось в 1890-е гг., когда Б.С. Щербатов издал два тома «Сочинений князя М.М. Щербатова», включив в них интересующие нас тексты. Изучение это, главным образом, было сосредоточено вокруг вопроса о политических взглядах М.М. Щербатова. Подробное изложение того, как это изучение проходило и к каким итогам привело, содержится в монографии И.А. Федосова², а применительно к рубежу концу XX и началу XXI вв. — в диссертациях С.Г. Калининой и Н.В. Серенченко³. Сам же Федосов, опираясь на методологию своего времени, характеризовал политическую позицию М.М. Щербатова, как «дворянскую реакционную фронду», подчеркивая «бюрократический» характер тех предложений по изменению сис-

¹ *Тараканова А.Д.* Русская литературная утопия второй половины XVIII века // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 51. Кн. 3. С. 39–45.

² *Федосов И.А.* Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М.М. Щербатов. М.: Издательство Московского университета, 1967. С. 6–9.

³ *Калинина С.Г.* Государственная деятельность М.М. Щербатова: идеи и практика: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 8–9.

темы управления страной, которые формулировал Щербатов в своей критике Екатерининского правления⁴.

В том же ключе (анализа политических взглядов и их социальной ориентированности) продолжалась работа и далее, до конца XX в., когда вышла коллективная монография «Русский консерватизм XIX столетия», в которой В.Я. Гроссул пишет: «Местом столкновения различных сил стала “Комиссия об уложении”, продемонстрировавшая различные устремления ее большинства и показавшая, что у русского консервативного направления имелись многочисленные предшественники. Уже тогда явно заметны в этом предконсерватизме как апологетическое, так и ностальгическое направления; одним из наиболее ярких представителей последнего стал М. Щербатов, представлявший в идиллических тонах порядка допетровской России и ставший одним из последовательных идеологов дворянства»⁵. Сохраняется эта традиция и сейчас, хотя оценки политических воззрений Щербатова меняются. Так, в 2011 г. С.В. Польский писал о противоречивом и многогранном характере политических представлений князя М.М. Щербатова, который, с одной стороны, был знатоком и последователем политической философии французских просветителей, а с другой стороны — убежденным защитником крепостничества⁶.

Вопросы семантики политической лексики Щербатова (как, впрочем, и других авторов XVIII в.), оставались на периферии исторического знания до самого последнего времени. В настоящее время появляются работы, в центре которых стоит изучение терминов и понятий, которыми оперировали в своих политических и исторических сочинениях мыслители XVIII в.⁷ В задачи данной работы входит: а) выделить понятия и термины, чаще

⁴ Федосов И.А. Цит. соч. С. 239, 241, 243.

⁵ Гроссул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шаццло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 418. С. 418.

⁶ Польский С.В. Система дворянского представительства в проектах князя М.М. Щербатова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3 (2). С. 510–515; Рудковская И.Е. Диалоги о добре и зле в историографической традиции позднего Просвещения (от Д. Юма до Н.М. Карамзина) // Вестн. Томского гос. педагогического ун-та. 2010. № 9 (99). С. 95–102; Милешина Н.А. Система ценностей российского дворянства XVII–XIX веков в контексте формирования нравственных приоритетов современного общества // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 4. С. 93–101.

⁷ Васильев А.В. Понятие «умоначертание века» в исторических сочинениях времен Екатерины II // Вестн. Томского гос. ун-та. 2012. № 2 (18). С. 32–36.

всего употребляемые Щербатовым, для характеристики политических отношений; б) установить значение этих терминов и понятий в контексте политических и управленческих воззрений Щербатова; в) определить возможные варианты изменений этих значений на протяжении всего периода творчества данного автора.

Первый, по времени, текст, который можно отнести к числу «политических» сочинений М.М. Щербатова, был написан, как предполагают его издатели и комментаторы, в 1759 г., сразу после того, как Щербатов перевел на русский язык фрагмент книги Ш. Монтескье «О духе законов»⁸. Его название: «Разные рассуждения о правлении». По своему содержанию это учебная работа, проделанная для того, чтобы: а) лучше уяснить мысли одного из идеологов Просвещения; б) усвоить применяемую в книге Монтескье терминологию, научиться ей пользоваться (текст написан по-французски); в) постараться выработать собственный подход к тем идеям, что были высказаны Монтескье в его трактате, и получили признание в европейских интеллектуальных кругах за те одиннадцать лет, что прошли со времени его первой публикации (1748).

Этот текст имеет все приметы литературно-политического творчества XVIII в.: сочетание архаизмов русского языка с дозированными заимствованиями из политической лексики, свойственной европейским авторам; сложная конструкция фразы, на которой сказывается влияние библейских текстов и святоучительной литературы. Самый важный термин для выражения политической составляющей текста Щербатова — «правление». Его французский аналог, используемый Монтескье — *gouvernement / gouvernements*⁹, переводился на русский и как «правление» / «правления», и как «правительство» / «правительства». Но Щербатов (судя по переводу) форму «правительство» в «Разных рассуждениях» не использует, остановившись на форме «правление». И это, видимо, не случайно, поскольку словоформа «правительство» до XVIII в. означала то же, что и «правление» (управление)¹⁰, а в значении «круг людей, осуществляющих управление государством» не использовалось.

Соответственно «правление» в тексте Щербатова — это способ организации коллективной жизни людей посредством зако-

⁸ Щербатов М.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 579.

⁹ Montesquieu. Montesquieu De l'esprit des lois. Première partie : Livres I à VIII [режим доступа: http://classiques.uqac.ca/classiques/montesquieu/de_esprit_des_lois/partie_1/esprit_des_lois_Livre_1.pdf] [дата обращения: 12.03.2018].

¹⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18. М.: Наука, 1992. С. 109.

нов, что следует из начального фрагмента «Разных рассуждений»: «есть причина, что никакое сообщество, хотя мало оно многочисленно, не может пребывать без некоторых правил и законов, которые каждого поступок устанавливают, и без одного или многих определенных персон, дабы принуждать оные исполнять и надзирать над исполнением. Сие сочинило разные рода правления: монархическое, которое от патриаршего правления начало свое имеет, деспотическое, иль самовластное, введенное мучителями, аристократическое и демократическое»¹¹.

Правление, в этом тексте Щербатова — это принуждение к исполнению законов. Хотя, как это видно из других текстов Щербатова, «деспотическое» (или «самовластное») правление находится в более сложных отношениях с законом, чем три других (монархическое, аристократическое, демократическое). И поскольку законы устанавливаются людьми, то и создание законов — это тоже необходимая часть «правления».

Термин «власть» (в тексте Монтескье — *pouvoir*) у Щербатова не так однозначен, как только что рассмотренный термин «правление». Он соотносится с двумя разными понятиями. Прежде всего, в выражении «высшая власть» этим термином обозначается уровень принятия управленческих решений (т.е. уровень «правления»): «И яко в правлении каждого рода хотя вышняя власть и в персоне единого отца пребывает, однако и тот в важных делах спрашивает совету у старейших иль мудрейших своих детей...»¹². Синонимичный «высшей власти» термин «высшее правительство» использован Щербатовым в записке «О повреждении нравов в России»¹³, «высшие правители» в «Размышлении о самстве»¹⁴ (есть «Вышнее правительство») и в «Мнении о законах основательных государства»¹⁵. А сам этот термин «высшая власть» использован также в «Письме к вельможам, правителям государства», в котором Щербатов ставит знак равенства между выражениями «высшая власть» и «правители государства»¹⁶.

Вернемся к «Разным рассуждениям...». Соотношение понятия «власть» с уровнем принятия решений просматривается в характеристике недостатков «аристократического правления»: «Каж-

¹¹ Щербатов М.М. Разные рассуждения о правлении // Избранные труды. С. 29.

¹² Там же.

¹³ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России // Избранные труды. С. 460.

¹⁴ Щербатов М.М. Рассуждение о самстве // Избранные труды. С. 537.

¹⁵ Польский С.В. Указ. соч. С. 513.

¹⁶ Щербатов М.М. Письмо к вельможам, правителям государства // Избранные труды. С. 510.

дый, хотя и равен в Сенате, однако хотел бы властвовать, и чтобы его голосу предпочтительно пред другими последовали»¹⁷. Но во фразе: «Так же мало и народов, которые бы не хотели простереть их привилегии чрез уменьшение власти и доходов государя»¹⁸, термин «власть» соотносится уже с понятием «право на управление».

И такого же рода соотношение с правом на управление можно увидеть в использовании терминов «самовластие», «самовластное правление», «самовладелец». Все эти термины соотнесены у Щербатова с деспотической формой правления (*despotique* у Монтескье), что отчетливо проявляется в следующем фрагменте: «Я не знаю, можно ли по справедливости самовластие именем правления именовать, понеже сие есть мучительство, в котором нет иных законов и иных правил, окромя безумных своенравий деспота (самовладеателя). Вместо, что в монархии государь есть для народа, в самовластном правлении народ является быть сделан для государя»¹⁹.

Этот фрагмент очень показателен, поскольку в нем понятие «власть» в его деспотическом («самовластном») значении, расходится с понятием «правление». Власть у правителя есть, но это власть не управленческого, а «мучительского» свойства. Во всех же случаях, когда у Щербатова идет речь о «родах» законного правления, подразумевается что это разговор о власти²⁰. И когда мы читаем у Щербатова: «Нет, повторю я, мы живем под слишком человеколюбивым правлением»²¹, — мы понимаем, что это могло быть сказано и так: мы живем при слишком человеколюбивой власти.

Следующий, по времени, текст, в котором Щербатов использует политическую и управленческую лексику — это его «Замечания» на текст «Наказа» Екатерины II Уложенной комиссии. Эти «Замечания» относят к 1773 г. У Щербатова, к этому времени уже был опыт работы в Уложенной комиссии, придворная служба (в этом же 1773 г. им получен чин камергера), работа в Комиссии о коммерции и Первом медальном комитете. С 1771 г. он занимал должность герольдмейстера. Биограф отмечает постепенно нарастающее «недовольство придворной службой», вплеснувшееся немного позже, в 1777 г.²² Возможно, замечания на текст «Наказа»,

¹⁷ Щербатов М.М. Разные рассуждения о правлении // Избранные труды. С. 31.

¹⁸ Там же. С. 30.

¹⁹ Там же. С. 33.

²⁰ Там же. С. 29–32, 38.

²¹ Там же. С. 43.

²² Калинина С.Г. М.М. Щербатов // Щербатов М.М. Избранные труды. С. 5.

оставленные в самом этом тексте, — это часть того интеллектуального труда, который был необходим Щербатову для того, чтобы объяснить себе самому то несогласие с принимаемыми властью решениями, которое копилось в нем с 1768 г., когда он второй раз поступил на службу. Несогласие Щербатова со сложившейся практикой управления находит свое выражение в трактовке двух ключевых терминов: «правление» и «власть». Строго следуя традиции европейской политической мысли (совсем не только в варианте Просвещения), он выстраивает общую схему действия власти в обществе:

1. Бог, «яко источник всякому благу», устанавливает параметры «закона», действующего в мире и «права своего над творением своим никогда не теряет»²³.

2. Народы «подвластны скипетру монархов», но власть монархов, это, главным образом, власть судей, богом поставленных над народом. Законы же, даваемые монархами, только тогда справедливы, когда не отступают от закона божественного.

3. Власть монарха реализуется через «правительства подчиненные». Здесь термин «правительства» имеет обычное, для русского языка того времени, значение «органы управления»²⁴.

Термин «власть» Щербатов применяет и к должностям (монарх, государь), и к органам управления (Сенат), т.е. к тем актерам, которые обладают возможностью: а) установить закон, б) изменить его; в) «учинять правосудие», т.е. применять закон. В обществе, разумно устроенном, власть, устанавливающая закон («законодательная»), отделена от власти, применяющей закон («исполнительной»). В логике Щербатова «законодательная» власть должна принадлежать Сенату, исполнительная «правительствам подчиненным». Власть же государя реализуется через совместное с Сенатом установление законов и руководство «подчиненными правительствами», сохраняющее за монархом три функции: «1) стараться коликó возможно ясными и справедливыми законами оные [правительства. — К. С.] снабдить, 2) избирать для посажения в оные людей честных и просвещенных и 3) наблюдать за самими оными, чтобы они во зло власть свою не употребили»²⁵.

Итак, в схеме идеального управления термин «власть» всегда соединена с законом. Власть опирается на закон, который сама же разрабатывает, но не может нарушить или произвольно толко-

²³ Щербатов М.М. Замечания Щербатова на Большой наказ Екатерины // Избранные труды. С. 51.

²⁴ Там же. С. 59.

²⁵ Там же.

вать. И именно в этом главное несогласие Щербатова с тем, как осуществлялось управление в российском государстве при Екатерине II. В «Замечаниях» это несогласие представлено в виде теоретических рассуждений о таком обществе «где властвует один, хотя бы то было и в таком государстве, в коем власть монаршая была законами стеснена, и тут часто государи позволяют себе нарушение законам, кои наипаче в тех местах, в которых единая воля государская законом служит, и где он отчету в своих поступках никому не отдает»²⁶.

Подмена закона на «волю государя» ведет, по Щербатову, к разрушению системы координат в понимании справедливости. Происходит это потому, что воля государя зависит от его настроения, и никто «не может уверить, чтобы через час он в одинаких мыслях был»²⁷. Отсутствие постоянства в трактовке законов обесмысливает практику их применения. Государи, в опасении за свою власть, назначают в органы управления «непросвещенных или нетвердых людей»²⁸. Подданные, «видя законы бессильны», теряют представления о добре и зле. Общий вывод Щербатова о системе власти, опирающуюся на волю государя: «неограниченная власть везде лишь вред и повреждение нравов производит»²⁹.

Таким образом, в представлениях Щербатова (в том виде, как они изложены в сочинении 1773 г.) существуют два типа власти. Справедливая власть (вне зависимости от того, единоличная она или коллективная) состоит в реализации законов, имеющих целью народ «счастлива сделать»³⁰. Власть несправедливая существует вопреки закону. Ее цель — реализация воли монарха (деспота), которая, в свою очередь, направлена на удержание власти. Власть несправедливая концентрируясь на самой себе, закрывает пути к «счастью». Власть справедливая совершенствует как сами законы, так и практику их исполнения; она открывает новые пути к «счастью». При этом применения понятия «власть» к практике управления предусматривает возможность использование дополнительных терминов, характеризующих уровни власти (власть государя и «подчиненные правления»), а также возможность разделения власти «по горизонтали» — на законодательную и исполнительную.

Далее текстом политического (или, скорее, историко-политического) содержания становится «Рассмотрение о пороках и само-

²⁶ Там же. С. 56.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 60.

²⁹ Там же. С. 66.

³⁰ Там же. С. 51.

властии Петра Великого». Его создание относится уже к 1780-м гг., что устанавливается по упоминанию автором события — открытия в Петербурге памятника Петру I состоявшегося в августе 1782 г.: «Свидетели мне суть... какие чувства тогда судии, воины, граждане и все прочие, стекшиеся на позорище открытия его изваянного образа ощутили. Не славно ли сему Ирою, когда все потомки бывших при нем подданных, по протечении полувека узря его бездушное изваяние, на славу его сооруженное, яко монарху, яко отцу и яко просветителю, ясные оказания своего усердия и благодарности принесли»³¹.

На первый взгляд, текст «Рассмотрения о пороках» по своей направленности ближе к работам Татищева или одам Ломоносова, чем самого Щербатова. Его жанр обозначен в самом начале как «беседа». Стилистика текста чрезвычайно близка к отмирающему в то время жанру «слов похвальных». Это относится и к лексике, насыщенной архаизмами и к насыщенности текста высокими эмоциями, сопряженными с назидательностью и к речевым оборотам, цель которых привлечь и сохранить внимание слушателей. Да и рассуждение о действии «истинных похвал» и похвал «льстивых», чему посвящена вводная часть этого текста, в полной мере соответствует обычной структуре «слов похвальных»: сначала обозначить добродетели, затем отослать слушателя к образцам этих добродетелей, проиллюстрировать их примерами жизни хвалимого лица и дать назидательный вывод. Но это только видимость. На самом деле Щербатов выворачивает наизнанку сам принцип составления «слова похвального», поскольку посвящает «Рассуждение» не добродетелям, а «порокам», которых оказывается не так уж и много: «Глаголят противники сего великого монарха: он был строг непомерно, любил казни и пролитие крови и, не разбирая ни роду, ни чинов, уподлял себя биением окружающих его. Он сына своего смерти предал. Он в любострастие и в роскошь ввергался. Он самовластие до крайности распростирал»³².

«Самовластие» — последний, по очереди «порок» Петра. И только его можно назвать «пороком», не относящимся к сфере нравственности, которые можно свести к двум чертам личности: жестокость и невоздержанность. Самовластие — это порок не человека, а государя, т.е. порок политический.

Если обратиться к предшествующим сочинениям Щербатова, то можно увидеть, что оправданий самовластному (то есть — дес-

³¹ Щербатов М.М. Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого // Избранные труды. С. 119.

³² Там же. С. 120.

потическому) правлению тот никогда не выдвигал. Здесь же он вынужден решать чрезвычайно сложную задачу: как примирить теорию (в которой деспотизм, т.е. управление по воле главенствующего лица, а не по законам ведет к ухудшению состояния страны и бедам для населения) и практику (явный прогресс страны, вследствие самовластного управления Петра). Если оправдать стремление Петра к достижению прогресса деспотическими средствами, то получится, что автор «есть защитник деспотичества иль самовластия, и что... каждый монарх может сказать, что он такие же имеет благие виды и подобные же ему обстоятельства настоять употреблять самовластие и его употребить»³³. Если осудить Петра, что выйдет, что Россию и ее народ, остающийся «без просвещения и загубелый в своих обычаях и, по несправедливому воображению своему о вере, противляющийся всякому просвещению»³⁴, невозможно было направить на путь прогресса.

Решение этой задачи было следующим. Закон ограничивает самовластие и тем самым служит для «взаимной связи престола и граждан»³⁵. Понятие «обратная связь» в то время еще не было сформулировано в тех терминах, которые используются сейчас. Щербатов этим своим выражением «взаимная связь» обозначил именно то, что современные экономисты и политологи вкладывают в понятие «государства открытого доступа», т.е. замену личных отношений действием институтов: «Идентичность, которая в естественном государстве имеет глубоко личный характер, в порядках открытого доступа начинает определяться как набор безличных характеристик»³⁶. В «оправдании» пороков Петра I Щербатов пишет как раз о том, что для блага государства тот использовал деспотическую (по происхождению и характеру) волю обезличено: «Испытал ли все состояния сам собой и обозрел ли без пышности, но с прилежанием, почти все части своего государства? Подверг ли себя ко многим трудам и опасностям для любви к отечеству своему?»³⁷.

Петр I, в представлении Щербатова, последовательно отказывался от личных отношений в управлении и, в отсутствии в России начала XVIII в. традиции подчинения закону, сам становится заменой этому институту, с тем, чтобы общество привыкло подчиняться не капризам государя, а его стремлению к обществен-

³³ Там же. С. 131.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. М.: Издательство Института Гайдара, 2011. С. 40.

³⁷ Щербатов М.М. Избранные труды. С. 131.

ному благу. Разбирая все пороки Петра, Щербатов выдвигает три аргумента, оправдывающих этого государя. Первый аргумент — обстоятельства времени: жестокость и грубость тогда были всеобщим явлением, Петр был так воспитан. Аргумент второй — благая цель: Петр ничего не предпринимал для удовлетворения своих желаний, его жестокость и «любоострастие» имели некий общий вектор — переустройство общественных отношений в стране, начиная с монарха и далее вниз по всей пирамиде социальных отношений. Но самый интересный в этой системе «оправданий» третий аргумент. По Щербатову, Петр, в «должности» правителя, сам стал первым в России институтом «открытого доступа»: он применял жестокие наказания, но «вельможи», для пользы дела «многажды противящиеся его изволениям, никогда такого наказания не претерпели»³⁸. Если в деятельности Петра нет личных интересов, а эмоции человека уступают место рациональности государя, то и самовластие Петра уже и не совсем самовластие, а в значительной части правление.

Понимая, что он вступает в теоретически не разработанное интеллектуальное пространство, Щербатов сформулировал приметы государственной власти, как института «открытого доступа» в ряде риторических вопросов: «Учинил ли он в решении дел, которые сам решил, по какому пристрастию кому несправедливость? Не равно ли последнего подданного с налюбимыми своими вельможами судил? Не вкушал ли он при решении дел грубые, ему учиненные противоречия, и не соглашался ли всегда на истину, не гневаясь на грубость? ... Снизозел ли в состоянии своих подданных, законами являясь им строгий государь, обхождениями же — друг? Вкушал ли без гнева грубые ему учиненные противоречия и всегда ли готов был истину слушать? Естли кто сие исполнил, то, имея такие расположения, может без охуления употреблять самовластие. Но кто все сие исполнил?»³⁹.

Цитируемые выше слова завершают этот текст. А значит, «феномен Петра Первого» у Щербатова состоит в том, что все то, чего Петр хотел в государственном управлении, не было реализовано не только в связи с неготовностью к тому петровской элиты. В самой фигуре Петра было больше «самовластных» черт (то есть деспотизма), чем черт подлинной монархии, управляемой, в трактовке Щербатова, законами.

³⁸ Там же. С. 126.

³⁹ Там же. С. 130–131.

Перейдем теперь к «Размышлению о дворянстве», написанному после 1785 г. (в тексте есть упоминание ликвидации Московской конторы Дворянского заемного банка, состоявшегося в 1786 г.). В самом начале «Размышления» обращает на себя внимание термин «правление», использованный для описания возможности управлять какой-либо сферой деятельности: «Самая турецкая монархия — монархия, основанная на совершенном самовластии, которая не законами, но наглостью и другими беспорядками содержится, монархия, где в серале воспитанные младенцы, яко бывшие ближе к императору, по большей части в главные чины происходят, где часто из подлейшего состояния люди, чрез дворские обращения правителями государства становятся»⁴⁰.

Для термина «правители» (в отличие от «правительств») у Щербатова, в этом тексте, есть синонимы: «служба государства», служба «в разных должностях своему отечеству», «разные должности по разным делам»⁴¹. Из четырех категорий таких «должностей по разным делам... для составления силы и блаженства государства» Щербатов относит к управлению одну категорию, выделяя в ней четыре вида государственной деятельности: «предписание законов, хранение оных, исполнение правосудия и введение благоустройства»⁴².

Здесь мы опять видим отсылки к труду Монтескье «О духе законов». Одна — в отношении разделения гражданских и военных должностей: «Следует ли соединять в руках одного лица исполнение гражданской и военной должности? В республике надо их соединять, а в монархии разделять»⁴³. Вторая — в части «хранения законов». У Монтескье говорится следующее: «При монархическом правлении законы не могут отличаться такой простотой, как при деспотическом правлении. Здесь нужны суды. Эти суды выносят приговоры. Приговоры эти надо хранить для того, чтобы суд действовал сегодня так же, как он действовал вчера, и чтобы собственность и жизнь граждан были столь же прочно и определенно обеспечены, как и само государственное устройство»⁴⁴. Соответственно и у Щербатова «хранение законов» (*conservées*

⁴⁰ Там же С. 347.

⁴¹ Там же. С. 350–352.

⁴² Там же. С. 352. Остальные три категории: дипломатическая и военная служба, а также занятие «земледелием», понимаемое здесь, конечно, не как обработка земли, а как управление трудом земледельцев.

⁴³ Монтескье III. О духе законов // Электронная библиотека «Гражданское общество в России» [Сайт]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (дата обращения: 30.06.2018). С. 67.

⁴⁴ Там же. С. 68–69.

у Монтескье) — это не техническая процедура и не служба в архиве. Это способность (и возможность) трактовать закон в духе гражданских установлений данного общества.

Выделение в качестве отдельных видов управления трех элементов — законодательства, суда и «благоустройства» — не означает признания Щербатовым принципа разделения властей (столь важного для Монтескье и его последователей), поскольку Щербатов ничего не пишет о независимости одной власти от другой. Наоборот, входя в одну категорию «должностей», эти виды управления составляют единый блок «дел» по управлению обществом. Кроме того, он ничего не пишет о контроле, с возможностью отмены принятых решений, что в системе разделения властей, по Монтескье, играет ключевую роль: «Если исполнительная власть не будет иметь права останавливать действия законодательного собрания, то последнее станет деспотическим, так как, имея возможность предоставить себе любую власть, какую оно только пожелает, оно уничтожит все прочие власти»⁴⁵.

Добросовестное отношение к предмету, которым он занимается, не давало Щербатову полностью обойти вопрос о разделении властей, поскольку сложившаяся, к тому времени, система управления в Англии обязывала рассматривать этот принцип не только как теоретическую конструкцию. Там, в Англии, «народная власть» имеет исключительное право «делать» или «налагать» налоги, ограничивая («стесняя») тем самым власть «монархическую» и «власть вельмож». Власть монарха, в свою очередь, «стесняет» законодательную власть народа⁴⁶.

Выражение «стеснять», дважды использованное Щербатовым в одной фразе, может означать и «ограничение», и «контроль». Но это не контроль одной власти над другой. Это, скорее, возможность воздействовать на власть монарха, со стороны «низших чинов»⁴⁷, «стесняя» ее, т.е. по Далю, «сгнетая», «заклучая в меньший объем»⁴⁸. Использование специфического выражения «стеснять» создает у читателя образ власти — помехи, а также неудобства, связанного с давлением и ограничением. Отрицательные коннотации, «стеснения» одной власти другой дополняют общую картину неудобства такого способа устройства «правления».

⁴⁵ Там же. С. 153.

⁴⁶ Щербатов М.М. Избранные труды. С. 367.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М.: Русский язык, 1998. С. 351.

Специфическая, свойственная именно Щербатову, трактовка понятия «разделение властей» проявилась и в «Размышлениях о законодательстве вообще». Не разделение властей Щербатов видит в других странах, а их «смешение»: «Но не было и несть ни у единого живущего в градах народа точно чистого какого из сих правлений, но все единое с другим мешалось, ибо монарх не может править без вельмож, вельможи не могут править без начальника и без народа, ни народ без начальников сам себя управлять»⁴⁹.

Важно, что здесь Щербатов не пишет о том, что одна из этих «властей» стесняет другие. Он использует другой термин — «отягощение»: «Кажется, народное правление не толь от естества вещей, коль от обстоятельства произошло, ибо народ, чувствуя себя отягчена монаршическою или вельможною властью, отягощение его низринул и сам властителем и правителем себе учинился»⁵⁰. По Далю, значение слова «отягощать» — «обременять», «наваливать груз»⁵¹, т.е. утяжелять ту работу, которую делает власть.

«Смешению» властей, при их взаимном «стеснении» (или, еще хуже, «отягощении»), Щербатов противопоставляет «законы», которые «в рассуждении политического состояния соответствовать должны»⁵². Соответственно, мы можем сделать вывод, что для Щербатова взаимный контроль властей, имеющих разное происхождение — помеха в управлении. Признание права одной власти (предпочтительнее — монархической) на управление, при строгом соблюдении законов, снимает это «отягощение». Слово-сочетание «политическое состояние», не очень понятное само по себе, по контексту можно определить как соответствие действующей в данном обществе конструкции власти, с доминированием монархического, «вельможного» или «народного правления».

В этих же «Размышлениях» мы встречаем более четкое, по сравнению с прежними текстами, использование термина «правление». Теперь он использован не для обозначения управления вообще, а только для управления, которое происходит в соответствии с действующими в обществе «основательными» законами (и «основательными правами»). Если же такие законы не действуют (не соблюдаются), то и «правлением» власть над обществом Щербатов называть отказывается: «...приступаю к самовластью или деспотичеству. Правлением его назвать не можно, ни в род оных поместить, ибо оно не что иное есть, как злоупотребление монаршической

⁴⁹ Щербатов М.М. Избранные труды. С. 390.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Даль В.И. Указ. соч. Т. II. С. 771.

⁵² Щербатов М.М. Избранные труды. С. 392.

власти, потому что монархия должна иметь свои основательные законы и сохранять все установленные, а самовластие, последуя единому своему хотению, по воле своей все законы разрушает»⁵³.

«Письмо к вельможам, правителям государства», которое публикаторы датируют приблизительно 1787 г., представляет собой наиболее точное и последовательное изложение взглядов М.М. Щербатова на власть и управление. Само это сочинение является итогом многолетних размышлений о том, что собой представляет власть в теории, и каково ее содержание в России. И этот итоговый характер выражен и в строгой логике выявления специфики власти в России, и в максимально точном использовании терминов. Так, в «Письме» трижды использован термин «самопроизвольство»⁵⁴, до 1780-х гг. Щербатовым не используемый. Отличие «самопроизвольства» от «самовластия» прежних текстов состоит в том, что самовластие — это (у Щербатова) проявление деспотичности государственной власти. А «самопроизвольство» — это не власть государя, а произвол должностного лица.

Мы можем проследить по текстам Щербатова, как он вырабатывал этот термин. При первом употреблении Щербатовым этой словоформы «В путешествии в землю Офирскую», он назвал «самопроизволением» право школьного учителя самому выбирать «какую методу в преподавании наук преподавать»⁵⁵. Здесь «самопроизволение» — просто право на личный выбор. Затем, в «Размышлении о законодательстве вообще» мы встречаем «самопроизвольное хотение деспота или его любимцев»⁵⁶, что подчеркивает негосударственный характер власти при деспотии. Далее, в «Рассуждении о нынешнем в 1787 году почти повсеместном голоде в России, о способах оному помочь и впредь предупредить подобное же несчастье» появляется эта словоформа в контексте работы чиновников, свободно трактующих законы: «Понеже здесь выше единственно главные правила помянуты, без подробностей, как многое из оного исполнять, то на всякое такое нужное исполнение должна Коллегия сделать особливые предписания и поднести Сенату на рассмотрение, дабы во всем имела правила, по чему поступать, а не было бы без крайней нужды самопроизводительных действий»⁵⁷. И наконец, в «Письме к вельможам» «самопроизвольство» и «самопроизвольность» применяется только и ис-

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 508.

⁵⁵ Там же. С. 276.

⁵⁶ Там же. С. 394.

⁵⁷ Там же. С. 505.

ключительно для характеристики действий должностных лиц, нарушающих закон по незнанию или же злонамеренно: «...вы сами, не справясь и чрез секретарей ваших о подлежащих законах, самопроизвольно судите — похищаете над властью монаршей, не правите, но в расстройку приводите правительство, отнимаете у подданных известные им правила, которым должно последовать, в презрение приводите самые законы, и жизнь, честь и имущества граждан во всегдашней опасности становятся»⁵⁸.

Показательно, что выражение «самопроизвольных» содержит «Наказ» Екатерины II Уложенной комиссии. В ст. 28 она пишет о необходимости «хранилищ законов» («особливых наставлений» — инструкций по исполнению законов и указов государя), а в ст. 29 поясняет: «Сии наставления возбраняют народу презирать указы Государевы, не опасаяся за то никакого наказания, но купно и охраняют его от желаний самопроизвольных и от непреклонных прихотей»⁵⁹. Но трактовка «самопроизвольности» в Наказе Екатерины и текстах Щербатова абсолютно разная. Екатерина «самопроизвольным» называет действия населения, которые приходят в противоречие с законом. (Близкое к этому значению термина «самопроизвольный» Щербатов использовал в своей «Истории Российской»: «... мог ли царь Иоанн Васильевич к самопроизвольному подданству сии народы склонить»⁶⁰). В рассматриваемом же нами тексте Щербатов этот термин применяет исключительно к тем, кто имеет власть, но распоряжается ей не по закону, усиливая тем самым отрицательную оценку этих действий.

Организация власти, приемлемая в России, по Щербатову такова: разделения властей не требуется. Содержание власти монарха (правителя) в том, что он «направляет течение вещей к лучшему благоустройству»⁶¹. Монарх «определяет правителей», наделяя каждого частью своей власти «дабы способом и посредством оных повсюдова законы были исполняемы»⁶². И далее содержится объяснение, почему «самопроизвольность каждого» является искажением сути государственной власти.

Соответственно сама по себе власть, как способность воздействовать на других людей, по Щербатову ценности не имеет. Государственная власть должна иметь общественное содержание,

⁵⁸ Там же. С. 508.

⁵⁹ Императрица Екатерина Вторая. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения / Под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. 34.

⁶⁰ *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. СПб., 1789. Т. 5. Ч. 2.

⁶¹ *Щербатов М.М.* Избранные труды. С. 508.

⁶² Там же.

именуемое, в традиции европейской управленческой мысли «общим благом» (*bien commu* у Монтескье⁶³). У Щербатова «общее благо» выглядит, как «благополучие народов» и «благополучие всего народа» в «Разных рассуждениях о правлении»; «благоденствие России и благополучие ее обитателей», «благополучие всего общества» и «благо России» в «Записке по крестьянскому вопросу»; «народное благополучие», «благополучие народов», «общее благополучие» в «Замечаниях на наказ Екатерины»; «всеобщее благо» в «Размышлениях о неудобствах в России дать свободу крестьянам...»; «общее благо» «Путешествия в землю Офирскую»; «общее пребывающее благо» «Размышлений о законодательстве вообще»⁶⁴. Использует Щербатов и выражения «благо Росси»⁶⁵ и «благо государства»⁶⁶, но благо государства у него вторично по отношению к «благу народному» и сопряжено с «благомудрием» из «Размышлений о законодательстве вообще»⁶⁷.

Столь частое использование Щербатовым различных словоформ, имеющих отношение к концепции «общего блага» не позволяет нам согласиться с мнением Н.В. Серенченко, в котором Щербатов трактуется как традиционалист, защитник допетровского «социально-политического порядка»⁶⁸. И это несогласие вызвано тем, что в «традиционном», допетровском государстве представление об «общем благе» присутствовало лишь как теоретическая конструкция, и не применялось для целей управления, а роль «закона» в управлении государством была коренным образом пересмотрена именно в петровскую эпоху⁶⁹.

Общественное благо у Щербатова (в какой бы словоформе оно ни представало) находит свое выражение, во-первых, в законах, действующих в обществе, а во-вторых, в деятельности «правителей» (т.е. в данном случае — государственного аппарата) по реализации законов. Нарушение законов теми, кто призван их выполнять, или же действия в обход законов, расцениваются

⁶³ *Montesquieu*. Dans une grande république, le bien commun est sacrifié à mille considérations; il est subordonné à des exceptions; il dépend des accidents. — Montesquieu. De l'esprit des lois. Édition établie par Laurent Versini, Paris, Éditions Gallimard, 1995. P. 94.

⁶⁴ *Щербатов М.М.* Избранные труды. С. 30, 35, 36, 36, 49, 51, 57, 62, 167, 335, 399.

⁶⁵ Там же. С. 49.

⁶⁶ Там же. С. 271, 287, 362.

⁶⁷ Там же. С. 377.

⁶⁸ *Серенченко Н.В.* Князь М.М. Щербатов: консерватор или традиционалист // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2007. № 3 (81). С. 103–114.

⁶⁹ *Акишин М.О.* «Общее благо» и государев Указ в эпоху Петра Великого // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3. С. 95–117.

Щербатовым как действия, разрушающие «связь народную с государем и государством»⁷⁰. Тех же, кто так поступает, он именует «побудителями возмущения»⁷¹.

Мы видели, что ключевые положения, составляющие систему представлений Щербатова о власти в России, переходили из одного текста в другой, не меняя основного содержания. Автор постоянно уточнял свою аргументацию, зависимую в начале его творчества, от трудов Монтескье и других мыслителей Просвещения⁷². Но, чем далее, тем более самостоятельными становились его воззрения на власть. В каждом своем произведении он оставался в «просвещенческой» парадигме, определяемой концепцией «общего блага» и предусматривающей верховенство закона. Но это не мешало (и даже помогало) ему выработать собственные представления о том, какими управленческими усилиями должно быть достигнуто «общее благо» в России.

Базовые словоформы, используемые Щербатовым в его политических сочинениях, на протяжении всей его жизни, по сути, неизменны⁷³. Это «власть» «правление», «правительства», «правители», «государство», «законы». Антитезой им служат «деспотизм», «самовластие», «самопроизвольность».

Термин «власть» многозначен и служит для формирования разных понятий. Он может: а) обозначать право на управление; б) выражать саму возможность принимать управленческие решения; в) указывать на уровень принятия таких решений, например «высшая власть»; г) выявлять способ организации управления (власть «монархическая», деспотическая, «вельмож» и «народная»). Такой широкий спектр возможностей применять термин «власть» заставляет использовать разные приемы уточнения его значений. Как правило, у Щербатова такое уточнение происходит либо через введение дополнительных терминов, сопряженных с этим понятием, либо с использованием синонимов, поясняющих значение базового понятия в данном контексте. Так, если Щербатов пишет «высшая власть», то он имеет в виду уровень принятия управленческих решений. Если же он использует термин «правление», то часто имеет в виду вариант («род») законной власти: монархической, власти / правления «вельмож» или «народной». И «правление» тогда — синоним власти.

⁷⁰ Щербатов М.М. Избранные труды. С. 512.

⁷¹ Там же.

⁷² Свердлов М.Б. Что читал молодой аристократ в 1750-е гг.: М.М. Щербатов // Петербургский исторический журнал. 2016. № 4. С. 59–84.

⁷³ О том, что Щербатов десятилетиями сохранял единство взглядов на тот или иной предмет, см.: Польский С.В. Указ. соч. С. 514.

Там, где в тексте стоит «власть» как право на управление, рядом, почти всегда, присутствует слово «закон», поскольку управленческие решения, по Щербатову, могут быть либо справедливыми, т.е. основанными на законе и реализующими закон, либо несправедливыми (деспотическими / самовластными), закон игнорирующими или превращающими его в инструмент воли правителя. Термин «правление» используется не только как синоним власти, но и как способ реализации власти через принятие законов, их хранение и исполнение.

«Правительства» (во множественном числе) — всегда органы, при помощи которых власть осуществляет свои функции управления. «Правители» же стоят в одном синонимическом ряду с «должностями» и «службой»: «Само именование правитель являет, что он должен быть тот, кто направляет течение вещей к лучшему благоустройству»⁷⁴.

Понятие «благоустроенное (или «благоустроенное») правительство / правление / государство» является «сквозным» для политических текстов Щербатова, поскольку в нем концентрируется его представления о том, каким должно быть правильно устроенное государственное управление. «Благоустроенное правительство / правление», у Щербатова, основано на «правосудии»⁷⁵ и законах⁷⁶. Оно не устраняет «вольности народа»⁷⁷, но не терпит «распутность нравов и соблазн»⁷⁸. В то же время, «взирая на слабость человеческую, старается наказания уменьшить и токмо по самой необходимости их налагает»⁷⁹. В «благоустроенном государстве» судьи «не передеваются из воинов в судью, а из судьи в воина, кои почитают свое звание, любят посредственную власть, чтобы, в случае нападения на них какого вельможи, не токмо против оного, но и противу самого монарха их справедливость защитить»⁸⁰.

Список литературы

Акишин М.О. «Общее благо» и государев Указ в эпоху Петра Великого // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3. С. 95–117.

⁷⁴ Щербатов М.М. Избранные труды. С. 508.

⁷⁵ Там же. С. 167.

⁷⁶ Там же. С. 606, 615.

⁷⁷ Там же. С. 181.

⁷⁸ Там же. С. 212.

⁷⁹ Там же. С. 68.

⁸⁰ Там же С. 156.

Артемяева Т.В. Михаил Щербатов. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994.

Васильев А.В. Понятие «умоначертание века» в исторических сочинениях времен Екатерины II // Вестн. Томского гос. ун-та. 2012. № 2 (18). С. 32–36.

Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шаццлло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II, IV. М.: Русский язык, 1998.

Императрица Екатерина Вторая. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения / Под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008.

Калинина С.Г. Государственная деятельность М.М. Щербатова: идеи и практика: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004.

Милешина Н.А. Система ценностей российского дворянства XVII–XIX веков в контексте формирования нравственных приоритетов современного общества // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 4. С. 93–101.

Монтескье Ш. О духе законов // Электронная библиотека «Гражданское общество в России» [Сайт]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhhe.pdf

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. М.: Издательство Института Гайдара, 2011.

Польский С.В. Система дворянского представительства в проектах князя М.М. Щербатова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3 (2). С. 510–515.

Рудковская И.Е. Диалоги о добре и зле в историографической традиции позднего Просвещения (от Д. Юма до Н.М. Карамзина) // Вестн. Томского гос. педагогического ун-та. 2010. № 9 (99). С. 95–102.

Рыжков В.С. Домостроительство и политика: место представлений о правильном устройстве сельского поместья в системе общественно-политических взглядов М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М.: НЛО, 2012. С. 327–374.

Свердлов М.Б. Что читал молодой аристократ в 1750-е гг.: М.М. Щербатов // Петербургский исторический журнал. 2016. № 4. С. 59–84.

Серенченко Н.В. Исторические и политический взгляды князя М.М. Щербатова (фактор индивидуального социального опыта): Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008.

Серенченко Н.В. Князь М.М. Щербатов: консерватор или традиционалист // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2007. № 3 (81). С. 103–114.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18. М.: Наука, 1992.

Тараканова А.Д. Русская литературная утопия второй половины XVIII века // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 51. Кн. 3. С. 39–45.

Федосов И.А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М.М. Щербатов. М.: Издательство Московского университета, 1967.

Чечулин Н.Д. Хронология и список сочинений кн. М.М. Щербатова // Журнал Министерства народного просвещения. Часть СССXXX. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1900. С. 337–364.

Щербатов М.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010.

Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1789. Т. 5. Ч. 2.

Montesquieu. De l'esprit des lois. Édition établie par Laurent Versini. Paris: Éditions Gallimard, 1995.